

Единственный показ «Меланхолии» Ларса фон Триера на Московском кинофестивале, как и предполагалось, прошел в тесной и непринужденной атмосфере конца света – если бы тут, как в предыдущей картине художника, были полено, лопата и ножницы, то люди с балкона падали бы гроздьями. Стремление публики с риском для психики посмотреть фильм, который через несколько дней выйдет в широкий прокат, хочется объяснить только одним – это действительно редкий шанс увидеть каннского лауреата в большом кинозале Москвы без дубляжа.

Но есть подозрение, что тут, скорее, срабатывает желание приобщиться к торжественной фестивальной обстановке. Которая на практике означает, что за час до показа на тротуаре у «Октября» соберется толпа, способная конкурировать с успешным несанкционированным митингом, сеанс страшно задержат, и все это время люди, прорвавшиеся через рамку на входе, будут томиться внутри кинозала (с билетами) и снаружи (с аккредитациями). Но даже после запуска киноплёнки лучше не станет: следующие полчаса представители прессы и опоздавшие обречены скитаться в поисках мест по залу, превращая его даже не в транзитную зону аэропорта (как метко сформулировали коллеги), а в ночной чартерный рейс, где выключение света служит негласным сигналом к началу усиленного брожения по салону.

Ладно бы ажиотаж — на других фестивалях тоже сидят на ступеньках, и ничего, но у нас же это почему-то подразумевает, что через тебя весь сеанс будут лезть, бить сумкой по голове и босоножками по почкам. Вдобавок, к одностороннему движению в какой-то момент подключается встреча: стоит дверям перестать открываться на вход, как начинается вялый отток зрителей, видимо, разочарованных, что конец фильма им показали в первые пять минут (и он не особенно счастливый). Особенно хочется отметить любезность администрации «Октября», которая на время кинофестиваля перекрыло функционирование кинотеатра как известного центра досуга москвичей – кроме, разумеется, ночного клуба и караоке, окруживших большой зал плотным кольцом звука. Так что с каждым входящим и выходящим с показа льющегося с экрана Вагнера заглушали хиты певицы Галы и другие приятные голоса. Так что проникнуться экранной историей безумия удалось неожиданным образом. С другой стороны, как под конец свадебной вечеринки говорит героиня Кирстен Данст: «А ты чего ожидал?»

И ведь, что удивительно, на «Однажды в Анатолии» Нури Бильге Джейлана, который за день до Триера показывали в то же время и в том же месте, все сидели как вкопанные, хотя поводов сбежать было вроде куда больше – первый час фильма люди ищут поле, где спрятан труп, а следующие полтора обсуждают, что с ним делать.

Но даже несмотря на все это, про «Меланхолию» хочется говорить исключительно в восторженном духе. Или просто сесть в лунку для гольфа и долго смотреть в телескоп. При том что это, конечно, на треть «Торжество» Винтерберга и еще на столько же – «Антихрист». Ну и в целом, что приятно, все любимые темы автора на месте: люди бывают такие милые, женщина под влиянием, этой планете я бы поставила ноль, не верь, не бойся, не проси (особенно мужчин, у которых под подушкой лежит книжка по психологии или астрономии).

Понятно, почему Триер везде сообщает, насколько противно легко ему дался этот пункт в фильмографии: действительно, сделать так, чтобы от человечества начинало немножко трясти, — не самая невыполнимая задача. И человечество, надо сказать, Ларсу подыгрывает: спускаешься после показа в подземный переход под Новым Арбатом – а там две девушки с гитарами в унисон поют «Выхода нет».

[Источник](#)